

сти обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие» (Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 49—51).

К. Д. КАВЕЛИН «РАЗГОВОР С СОЦИАЛИСТОМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ»

КАВЕЛИН КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (1818—1885), виднейший представитель русской общественной либеральной мысли, историк, философ, правовед.

Отрывки из брошюры, вышедшей впервые в Берлине в 1880 г., в России издана анонимно под заглавием «Разговор».

«Социализм как всякое новое учение проявляется в мире двумя моментами, положительным и отрицательным. Положительный момент — это сама доктрина социализма и его будущее, им создаваемое общество. Отрицательный момент сказывается в том отношении, в какое ставят себя социалисты к старому, существующему порядку вещей. Понятно, что между этими двумя моментами должна быть полная гармония...

Нынешние социалисты... в принципе отказываются от насилия. Это можно прочесть, если не во всех, то во многих социалистических изданиях. Но, к сожалению, они отказываются от насилия только в принципе. Они обещают создать царство мира, правды, справедливости, согласия и счастья, но все же это царство должно, по их мнению, начаться—революцией!

Не значит ли это то, что поведение социалистов будет зависеть не только и не столько от их собственной миролюбивой доктрины и уважения к правде и справедливости, сколько от упорства ненавистного им порядка вещей? Но если так, то само собой разумеется, что сидящий нынче непременно и даже **притворно** постарается перед ними заломаться, закобениться, чтобы заставить их и его перекобенить, т. е. постарается довести их до последнего безобразия, и тогда он будет пред ними уже вполне прав...

Неужели в самом деле люди, проповедующие революцию и прибегающие к ней вследствие одной внешней, случайной причины и **наперекор необходимости внутренней**, не понимают того, что революция немыслима без диктатуры? Стало быть, они хотят создать диктатуру. Но ведь она не новость под луной, — о чем же хлопотать? Да кроме того, из всех диктатур самая жестокая, самая убийственная будет диктатура социалистическая, по той простой причине, что она ему не по характеру, не по нраву. В противоречии с самим собой он будет всех терзать и сам бес-

конечно терзаться. Насильно освобождать кого бы то ни было значит убивать свободу в самом ее источнике, обращать людей в рабов свободы, т. е. в нравственных уродов. И это должно быть делом социализма. Какой позор!..

Мы живем в мире не абсолютных, но относительных величин. Не будет у нас никогда ни полного счастья, ни полной справедливости, ни полной свободы; ожидать в будущем мы можем только большей, против прежнего, доли счастья, справедливости, свободы. Вот эту долю мы и должны искать для каждой данной минуты, а определиться доля может не иначе как совокупностью всех существующих, наличных условий жизни. Нам может принадлежать по праву и по всей справедливости только то, что мы добыли себе собственным трудом. Не это ли основная заповедь социализма?

Когда в истории идет речь о счастье и свободе, то весь вопрос заключается в слове: **сколько?** Каждая эпоха может дать, люди эпохи способны принять только известное, отмеренное количество добра и именно то количество, которое заготовило для них их прошлое. Другими словами: что посеешь, то и пожнешь.

Социалисты желают разложения современного государственного строя. (Я разделяю с ними это желание и убежден, что во всем мире не сыщется человек, который бы захотел, чтобы человеческие учреждения остались навсегда такими, какими мы их нынче видим)...

Но что такое разложение и каким процессом оно достигается? Не иным как процессом созревания. Зреет ли нарыв, яблоко, человек или государство, они этим самым разлагаются, т. е. переходят постепенно из старых форм в новые, в которых прежнего вида уже признать нельзя, переходят естественно, а не насильственно, ростом, а не революциями. Революция всегда задерживает прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным...

Все сказанное мною я могу подкрепить словами одного из самых уважаемых и ученых современных социалистов — Карла Маркса. Вот что он говорит в предисловии к своему «Капиталу»:

«Та точка зрения, на которой я стою, считает **развитие экономических общественных формаций естественно-историческим процессом**». Одних этих слов было бы достаточно для людей, умеющих читать, но таких везде очень мало. Маркс не просто сказал — исторический процесс, но счел нужным добавить — естественно-исторический, т. е. такой, где все переходы из одной формы в другую совершаются не насильственно, но сами собой...

К. Маркс так глубоко убежден в необходимости развития общественных формаций, что нисколько не пугается при виде умножения болезненных явлений в современном обществе. Он смело пишет (в том же предисловии): «Мы (немцы), подобно всей остальной континентальной Западной Европе, страдаем не только вследствие развития капиталистического производства, но также от недостатка этого развития». А вот и объяснение неустрашимости Маркса: «Промышленно развитая страна показывает менее развитым картину их собственной будущности». Ибо «дело идет не о высшей и низшей степени развития общественных антагонизмов, происходящих из естественных законов капиталистического производства: дело идет о самых этих законах, об их тенденциях, действующих с железной необходимостью».

А каковы эти тенденции, куда ведет их железная необходимость, т. е. сама сила вещей? К их собственному развитию, к их полнейшему вызреванию, следовательно, к разложению их нынешней формы и переходу в иную, высшую форму. Тут совершается тот же самый процесс, какой мы видим во всяком живом организме. Да это и быть иначе не может: что однажды попало в колесо жизни, должно творить ее законы. Не забудем при этом еще одно важнейшее обстоятельство, именно, что социализм не ограничивается одним экономическим вопросом. Он требует реформы во всем, начиная от семейного очага до высшего нравственного идеала включительно. Хотя это страшно усложняет задачу, но настолько же увеличивает степень ее необходимости, неизбежности. «Die Magen frage»¹ отступает в истинном социализме на самый последний план. И это большая ошибка начинать с экономической почвы. Вопрос должен разрешиться прежде в мозгу, в сердце, в нравах...

Пожалуйста, не подумайте, будто я вам проповедую терпение ради терпения или ради нравственной дисциплины. Я с вами рассуждаю не как отвлеченный моралист и рекомендую терпение единственно потому, что считаю нетерпение вредным или по крайней мере бесполезным. Вы хотите, ни мало ни много, переделать весь существующий общественный строй, дать человечеству целое новое мировоззрение и думаете этого достигнуть — чем же? — революцией!! Позвольте спросить вас, сколько десятков лет должна она длиться? Поймите же, что вы сами себя становите в положение абсурдное.

---

¹ Die Magenfrage (нем.) — вопрос желудка.

—Что же, по вашему мнению, надо нам теперь делать?

—Мой искренний совет был бы следующий: прежде всего вам надо публично и торжественно, **непреренно торжественно**, всем юношеством и перед лицом всей России заявить, что вы отказываетесь наперед от всякой революционной деятельности, от всякой, и чтобы это стало для всех несомненно; а потом — начать прилежно учиться.

А затем вы и все общество примирите с таким социализмом, который всю свою задачу основывает на воспитанье людей в самых мирных и миролюбивых началах. Да не забывайте никогда еще и того, что вы — юноши русские и имеете дело с народом, убереженным судьбою от принципов римских, уже и теперь не знающим сословных разделений, с народом как нельзя более веротерпимым и стремящимся к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой самодержавной власти.

—Самодержавной власти?

—Нспременно. Вы, если я не ошибаюсь, сторонник общинного начала?

—Без сомненья.

—Но ведь это начало чисто крестьянское, а семидесятимиллионный крестьянский мир не пойдет ни за дворянством, ни за буржуазией. Или вы этого не знаете? Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов.

И нет сомнения, что всею массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, то есть свободным царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократов. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — **самодержавной республики...**

—Вся будущность России, ее внутреннее спокойствие, ее богатство, просвещение, свобода, прогресс и вместе внешнее ее величие — все это лежит в **правильном и справедливом решении аграрного вопроса**, который у нас нынче на первой очереди. Но кто же тормозит дело? Интеллигенция, **одна она**, а не верховная власть, для которой в действительности никакой нет выгоды в забитости, нищете и невежестве семидесяти миллионов подданных самых консервативнейших. Если верховная власть и действует иногда как бы в согласии с интеллигенцией, так это с се

стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенции — это злой расчет.

Когда наша интеллигенция вся сполна перейдет, втянется в народ и перестанет отделяться от него не только правами и положением, но и тенденциями своими, когда она перестанет жить обособленной корпорацией, как некая опричнина в земле, т. е. когда она вполне сбросит с себя безнравственную и развращающую ее рознь с народом, тогда Россия станет тем, чем ей быть должно и по демократическому ее складу и по смыслу всей ее прошлой истории, выдвигавшей на первый план только царя и народ. Погнавшись за европейскими образцами, мы сбились с нашего исторического пути. Отсюда все наши ошибки, все невзгоды... Я не стану отвергать того, что такой тяжелый искус нужен был нам, по воле судеб отставшим от цивилизации других народов, но все же не могу смотреть на него иначе, как на временное испытанье, а не всегдашнее наше назначение — вечно оставаться в хвосте других и не иметь ничего своего. И нынче наступил роковой час, когда мы должны сделаться опять самими собою: когда европейская цивилизация уперлась лбом в стену сию самой созданного пролетариата, и сама не знает, как ей быть и что делать, то какую же она может быть нам указчицей?

— Я... только попросил бы вас представить мне более ясный образ той политической формы, которую вы считаете самой естественной для России, — сказал N.

— Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем всех, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал.

— А вы не боитесь злоупотреблений власти?

— Как не бояться их! Но употребить во зло можно все на свете и при всяких порядках.

— Однако чем больше ограждений...

— Тем, конечно, лучше. Но я желаю ограждений не внешних, а внутренних. Ах, господа, пуще всего остерегайтесь средств искусственных: берегитесь, чтобы у вас на место живого царя не воцарилось мертвое ограждение, с которым вы потом сами не справитесь!

Но прошу вас заметить, что верховная власть, при всем ее

желании, и не может быть вполне гуманною, покуда не гуманные те классы, которые стоят между народом и ею. Вспомните поучительный факт, что в вопросе об освобождении крестьян высшее правительство стало с самого начала на гораздо более либеральную, верную и патриотическую точку зрения, чем вся масса дворянства, и что эта так называемая интеллигенция постаралась испортить эмансипацию, насколько в эту минуту могла, не возбуждая против себя слишком великого негодования народа. Ведь государь был совершенно прав, когда сказал московскому дворянству, а в его лице и всему русскому: «Я опередил вас на пятьдесят лет». И вот этому-то отсталому дворянству вы бы нынче захотели вручить конституционную власть? Или, может быть, вы думаете, что с тех пор наша интеллигенция выросла, исправилась? Так посмотрите, что вокруг нас творится: как только наши передовые люди (очень их у нас немного) заводят в печати или в земствах толки о разорении всего крестьянства, о необходимости прийти ему на помощь, о безбожно малых наделах, о крайнем истощении податной силы, о допущении переселений, о школах, о дешевом кредите и т. д. и т. д., так тотчас вся масса интеллигенции подымет гвалт, толки заглушаются, передовых людей ссылают административным порядком. Не забудьте, что все это совершается при самодержавном царе, что же будет тогда, когда эта интеллигенция станет сама **правлящим классом**?!

—... Я вас виню главным образом за то, что вы затеваете революцию, которая вам несколько не поможет, потому что народ вы не поднимете, а без него вы бессильны. Да и покуда вы мечетесь во все стороны, грозите, строите заговоры, неистовствуете, тесовый забор наш все крепнет да крепнет, старые гнилые доски заменяются в нем новыми, да потолще, уже припасается кирпич и увесистый булыжник—на всякий случай, и защитники со всех сторон приманиваются такие, которые сумеют дать отпор кому угодно, и против чего угодно... Если вы мечтаете о том, чтобы для счастья и утешения вашего отечества создать в земле русской плохую копию Западной Европы, ну, тогда вы на самом истинном пути: продолжайте вашу революцию еще и еще. Но если вкус у вас потоньше и помысел повыше, то воздержитесь от всяких безобразий, от всего темного и насильственного, всегда помня, что социальный вопрос есть по преимуществу вопрос нравственный...

Но и помимо этого, Россия, с самого момента появления в ней копии, намалеванной нашими министерскими малярами, вступает в период нескончаемых, безысходных внутренних потрясе-

ний, которые истощат все ее силы и сделают ее не способной ни к какому развитию. Прошу вас обратить внимание на следующее: чем беднее капиталами, чем умственно неразвитее и, ко всему этому, чем малочисленнее правящие классы относительно всей массы населения, тем они будут чувствительнее ко всякому давлению как сверху, от царя, так снизу, от народа; следовательно, им необходимо будет обставить себя самыми страшными, чудовищными привилегиями, которые всею своей тяжестью лягут на народ и постараются придавить его елико возможно. Таким образом наша конституция принесет крестьянству уже не крепостную неволю, но полнейшую кабалу... Мой взгляд на вещи может быть ошибочным, но если он имеет за себя хоть какие-нибудь данные, то это уже обязывает нас к крайней осторожности, должно воздерживать нас от поспешных решений и особенно от грубых революционных приемов, которые вынуждают к торопливости мероприятий в ту или другую сторону.

Разговор наш кончился, но мне не хотелось отпустить от себя Н., не взяв с него обещание воздерживаться наперед от всяких революционных попыток...

—Нет, этого я не могу обещать ни за моих товарищей, ни за себя!

—Почему же?—спросил я в изумлении.

—Вот видите ли,—отвечал он,—мне нетрудно было бы соглашаться с вами потому, что сам я не раз приходил к выводам весьма аналогичным. Новостью для меня была одна ваша «самодержавная республика». Но если она меня не ошеломила и я не расхохотался вам в лицо, так это благодаря тому, что у меня тут же промелькнула мысль: почему России, в самом деле, не осуществить самодержавную республику, когда она ухитрилась создать нечто гораздо труднейшее?

—А именно?

—**Самодержавную анархию!** Разве мы не живем, и довольно-таки давно, в самодержавной анархии?

—Да, вы правы,—неволью вырвалось у меня,—это—самодержавная анархия! **Везде—власть, все—власть, и нет ее только в центре!** Царский указ имеет силу на Кавказе, в Ташкенте, на границе Индии, в Камчатке, но сам царь в своей собственной столице не может показаться на улице один, без целого конвоя телохранителей!!! Кто же его загнал в Зимний дворец? Не крестьяне же русские, сидящие по деревням, не духовенство смиренное, не купечество толстобрюхое. Так неужели же сотня бесшабашных удалцов? Но если не крестьяне, не духовенство,

не купечество и не гимназисты, так кто же?—Ведь остается одна интеллигенция, жаждущая конституции!

—Ну, вот и доискались!—воскликнул Н. и продолжал.—Один весьма почтенный немец из остзейцев, рассуждая в моем присутствии о поступке Веры Засулич, сказал, что ей следовало бы чулки вязать, а не стрелять в градоначальников, что она делает не свое дело. Конечно, немец говорил сущую правду, против которой спорить нет возможности; да только он упустил из вида одно весьма важное обстоятельство, то, что в России не одна Вера Засулич, но все без исключения делают не свое дело.

Поймите же, что юношество сбито с толку общюю неурядицей и бессильно ей противиться. Это обстоятельство очень важное, на которое прошу обратить особенное внимание. Кидаясь в революцию, русская молодежь не имеет ровно никаких идеалов, не имеет понятия ни о существе конституций, против которых бы хотели бы ее предостеречь, ни о существе будущего социалистического государства и строит революцию, решительно не ведая, куда и к чему она может их привести. Она занимается беззаконием в великом царстве беззакония...

—Вы, однако, не желали бы крутых мер и не сказали бы известное: «чем хуже, тем лучше»?

—Избави Бог! Это было бы только лишней прибавкой к существующему хаосу. Прежде всего я бы желал строжайшего и неуклонного исполнения закона во всех сферах, сверху донизу; а затем—полного обеспечения крестьянского хозяйства, или, как вы говорите, справедливого решения аграрного вопроса царскою самодержавною властью и, наконец, податной реформы. Когда мы перевалим через этот главный и труднейший порог, тогда русская жизнь снова потечет самым мирным образом, и все бурные революционные порывы прекратятся сами собой за отсутствием повода... Вы хотите, чтобы я начал останавливать теперь моих товарищей, но это решительно невозможно: они меня не поймут или просто слушать не станут. Вопль, неумолкающий, страшный вопль, всюду поднимающийся с самого дна земли нашей, терзает их юные сердца, мучит воображение, озлобляет душу.

Знайте, что как их, так и меня мог бы спасти—один царь! У нас теперь всюду раздаются вздохи: «Эх, кабы петровская дубинка!!» А я скажу: «Эх, кабы твердое царское слово!..» Народ давно и громко воеет, к царю воеет, надо, чтобы и царь ему откликнулся: «Слышу, сынку!» И пусть трепещут окружающие его Мордохей, уже давно с избытком получившие мзду за свою усердную службу.

— Ну, а если такое слово не раздастся? — спросил я.

— Тогда, — отвечал N., — будет продолжаться и усиливаться анархия, а с нею и революция, которая, как я уже вам объяснял, есть неизбежный продукт самой анархии точно так же, как бред бывает невольным и неизбежным спутником горячки.

Мои товарищи будут, пожалуй, перед вами хвастать и выставлять себя запевалами, идущими впереди всех, увлекающими за собой нацию. Но я знаю, что в действительности это вовсе не так, и снова повторяю вам, что их неудержимо несет общий поток, их гонит и толкает вся совокупность аномальных условий нашей современности. Но тем хуже: ведь они потому только и сильны и страшны, что действуют не от себя, не от своего ничтожества. Все их ужасное значение именно в том, что они — невольное и слепое орудие силы вещей. Если бы революция была их собственным изобретением, вымыслом, мозговым продуктом незрелых голов, не имеющим никакой связи со всею окружающею действительностью, то она могла бы возбуждать в нас только жалость или презрение. Но нет, тут разыгрывается не комедия, а ужасная трагедия, из-за которой грозно поднимает свою голову и глядит сама судьба.

N. ушел, и тут только я вспомнил, что он — революционер, а между тем — как рассуждает! Да, совсем, совсем не так, как те, что называют себя консерваторами. Эти устроили в России облаву на царя и лстивыми словами заманивают его в свои сети... О, государь, не поддавайтесь! Так говорит вам человек, который никогда у власти ничего не просил, никогда в ней не искал, ни в каком ведомстве не служил и нынче не выставляет напоказ своего имени» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 424—447).

М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ «КОНСТИТУЦИЯ»

Ниже приведены отрывки из «всеподданнейшего доклада министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г.» Наверху первой страницы доклада Александр III в марте 1881 г. сделал следующую надпись: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством».

«Возлагая на меня столь трудные обязанности в тяжкую для России минуту, ваше величество соизволили преподать мне указания на необходимость для успешного выполнения порученной